

Встречи с Толстым

Эти воспоминания были опубликованы в 1907 году в журнале «Киевская искра». Автор их — Павел Петрович Трубецкой, известный русский скульптор. Его произведения — преимущественно жанровые и портретные скульптуры, и среди них «Л. Н. Толстой» и «Л. Н. Толстой на лошади».

Предлагаем вниманию читателей «Литературной России» отрывки из воспоминаний скульптора, в которых он рассказывает о встречах с Л. Н. Толстым.

«В 1897 году я жил в Москве. Об это же время жил там и Толстой, и меня — читателям, вероятно, известно, что я скульптор. — снесало пламенное желание сделать голову великого писателя.

Старшая дочь Толстого, Татьяна Львовна, с которой я встречался и познакомился в московском обществе, дружески взяла на себя любезность ввести меня в дом своего отца. А когда я признался ей, что, всецело отдавшись своему искусству, я почти ничего не читаю, не читал ничего и из произведений Толстого, то это плачевное для меня обстоятельство немало позабавило мою даму. Она обещалась сказать об этом отцу.

Сам Толстой ни тогда, ни после ни разу не попеннул меня моим «нечтением». Когда Татьяна Львовна представила меня, он, улыбаясь, пожал мне руку и сказал:

— Рад видеть человека, который ничего не читал и, может быть, имеет свои мысли...

Я часто бывал у него в доме. Больше всего и прежде всего меня удивляла его необычайная простота. Всякая поза была чужда ему... Он говорил много и обо всем в мире: о политике, религии, литературе, а со мной и о моем искусстве. Мои возражения никогда не сердили его... Никогда я не слышал, чтобы он, которого многие называют пророком и апостолом, заговорил в торжественном тоне, столь излюбленном «пророками своего отечества».

За то время, пока я лепил бюст Толстого — в половину натуральной величины... — нами было много переговорено об искусстве. Толстой, кстати сказать, был образцовой моделью, и работать с ним было удовольствием.

Оба мы преследовали в искусстве одну и ту же цель. Но он требовал от художественного произведения прежде всего нравственной пользы, и понадобилось несколько бесед, пока он не признался, что такое произведение доставляет и радость своему творцу.

Когда я окончил его бюст, он спросил меня:

— Довольны вы своей работой?

Я отвечал, что никогда не бываю доволен, так как это довольство никогда не бывает настолько полным, чтобы созданная вещь показалась художнику совершенно удавшейся.

— Ну, вот видите ли, — сказал Толстой, — если б вам удалось сделать нечто вполне совершенное, то и тогда в моих глазах вы сделали бы все же нечто бесполезное, так как такое ваше произведение не могло бы ни поднять, ни воспитать человека...

Об эту же пору возник и мой «Толстой верхом». Раз как-то Толстой приехал ко мне на один из сеансов верхом. Его превосходная посадка вызвала во мне желание так его и вылепить. Сначала он об этом и слышать не хотел и согласился лишь после многих моих просьб и уговоров...

Несколько месяцев спустя я посетил Толстого в Ясной Поляне. И тут он был воплощенная любезность и простота. Мы с ним много гуляли и катались верхом... Толстой был завзятым ходяком. Ежедневный переход верст в десять составляет одну из его потребностей. Равным образом, он мог укротить самую дикуную лошадь.

Л. Н. Толстой. 1899. Бронза.

За письменным столом Толстой проводил по несколько часов ежедневно. Он работал в то время над своим «Воскресением». О теме своего романа он никогда не говорил со мной, но часто жаловался, как ему досадно, что он должен обязательно к известному сроку отсылать издателю каждую главу. Такое принуждение растранивало его чрезвычайно.

От работы Толстой охотно переходил к шахматам. С такой же охотой слушал он игру своей дочери. Помню, однажды она сыграла Крейцерову сонату. Толстой прослушал эту вещь — известно, как им охарактеризованную, — не проронив ни слова...

Несмотря на мой незначительный литературный багаж, Толстой, со свойственным ему добродушием, подарил мне однажды свое произведение с собственноручно сделанным посвящением. Я взял эту книгу с собой в Италию... Моя матушка, ехавшая со мной, прочла Толстого и рассказывала мне содержание, пока я занимался своим делом.

По приезде моем в Москву Толстой спросил, как понравилась мне его книга. Я стал говорить, припоминая, что рассказывала мне мать. Но, должно быть, где-нибудь дал маху, потому что Толстой вдруг сказал:

— Скажите правду: вы не читали?

Я сознался, а Толстой засмеялся, не обнаружив ни малейшего недовольства. По-моему, это самое редчайшее великодушное, какое только способен выказать автор».